

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.6>

Мамяченков Владимир Николаевич, Шведов Владислав Витальевич

"Записки" Д. А. Засосова и В. И. Пызина как источник при изучении повседневности Санкт-Петербурга 1890-1910-х годов

Целью статьи является исследование воспоминаний двух петербургских интеллигентов советского периода - Д. А. Засосова и В. И. Пызина - о жизни Санкт-Петербурга в 1890-1910-х годах. Работа посвящена анализу и оценке значимости для отечественной историографии упомянутых мемуаров. Научная новизна видится в том, что предпринята попытка дать оценку "Запискам" как важному источнику при изучении повседневности крупного столичного города. Полученные результаты свидетельствуют, что "Записки" являются вполне верифицированным источником, к которому следует относиться с высокой степенью доверия.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/6.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 40-44. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Formation of a Model of State Management of the Yakut Economy in the First Years of New Economic Policy (1921-1922)

Burnasheva Natalia Ivanovna, Dr

*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
n_burnasheva@mail.ru*

The paper aims to identify specificity of New Economic Policy realization in Yakutia and to examine activity of such newly appeared administrative bodies as “food triplet” and economic council that took on the responsibility for introducing New Economic Policy principles into the regional economy. The article analyses how the Yakut regional revolutionary committee implemented transition from the surplus-appropriation system to the food tax, from exchange in kind to market relations. Scientific originality of the study lies in the fact that the author for the first time analyses activity of the regional economy management bodies in the period of transition to New Economic Policy. The research findings are as follows: the author proves that introduction of New Economic Policy allowed Yakutia to transform the whole system of the state management of economy, taking into account the process of market relations development.

Key words and phrases: New Economic Policy; history of economy; state administrative bodies; economic crisis; market relations; The Yakut ASSR; history of Yakutia.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.6>

Дата поступления рукописи: 11.06.2020

Целью статьи является исследование воспоминаний двух петербургских интеллигентов советского периода – Д. А. Засосова и В. И. Пызина – о жизни Санкт-Петербурга в 1890-1910-х годах. Работа посвящена анализу и оценке значимости для отечественной историографии упомянутых мемуаров. Научная новизна видится в том, что предпринята попытка дать оценку «Запискам» как важному источнику при изучении повседневности крупного столичного города. Полученные результаты свидетельствуют, что «Записки» являются вполне верифицированным источником, к которому следует относиться с высокой степенью доверия.

Ключевые слова и фразы: Д. А. Засосов и В. И. Пызин; Петербург 1890-1910-х годов; повседневная жизнь; бытовые условия; торговля; городская инфраструктура.

Мамяченков Владимир Николаевич, д. ист. н., доц.

Шведов Владислав Витальевич, к. ист. н., доц.

*Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург
matyachenkov@mail.ru; svedoff@mail.ru*

«Записки» Д. А. Засосова и В. И. Пызина как источник при изучении повседневности Санкт-Петербурга 1890-1910-х годов

Актуальность избранной нами для исследования темы обусловлена большим интересом, проявляемым к изучению городской повседневности в различные исторические периоды российской истории. Именно по этой причине работы мемуарного жанра уже давно и прочно заняли свое важное место в арсенале предметов изучения современной историографии. Авторы настоящей статьи уже обращались в своих исследованиях к работам подобного жанра [6]. Но в данной статье речь пойдет о явлении, на наш взгляд, удивительном и незаурядном – записках двух жителей Петербурга, помнивших его таким, каким он был на рубеже XIX-XX веков [3].

Задачами исследования стали:

- обоснование теоретической базы исследования;
- структурирование «Записок» в рамках нескольких основных разделов по соответствующим направлениям;
- историографический, эстетический и лингвистический анализ;
- оценка исторической достоверности;
- формулировка выводов.

Упомянутые «Записки» выгодно выделяются на фоне не слишком обширного перечня литературы, в которой, так или иначе, дается описание повседневной петербургской жизни в обозначенный период истории. Данный перечень произведений, по сути, и составил *теоретическую базу* настоящего исследования. Это относится к исследованиям как дореволюционного периода (и авторским: А. А. Бахтиаров [1], Н. Н. Животов [2], Н. В. Никитин [8], Ф. Раевский [10], Н. И. Свешников [11], – и безымянным [9; 12]), так и работам более поздних десятилетий: А. А. Игнатъев [4], Л. Э. Лимонов [5], С. Р. Минцлов [7], В. С. Трубецкой [13].

Применение общенаучных и исторических *методов исследования* позволило нам сделать вывод о *практической значимости* «Записок». Указанная значимость определяется, по нашему мнению, прежде всего огромным массивом содержащихся в «Записках» сведений о повседневной жизни различных категорий

жителей Петербурга, за исключением, пожалуй, городской элиты. Именно это обстоятельство позволяет с равным успехом использовать «Записки» всеми учеными-обществоведами – и историками, и социологами, и экономистами. Кроме того, указанные материалы могут и должны быть широко использованы в работе краеведов по сохранению исторической памяти в России.

Авторы упомянутых записок – Дмитрий Андреевич Засосов (1894-1977) и Владимир Иосифович Пызин (1892-1983) – были типичными представителями петербургской интеллигенции (говоря современным языком – «среднего класса»). Первый из них был адвокатом, второй – инженером. Но их обоих объединяли две страсти: любовь к своему городу – Петербургу – и стремление запечатлеть для потомков неповторимые штрихи безвозвратно ушедшей повседневной жизни города на Неве в период его «имперского» расцвета. В воспоминаниях этих двух авторов перед нами открывается столица России такой, какой ее видели представители «среднего» класса, жившие в обычных «доходных» домах и смотревшие на городские улицы и площади вовсе не из окна личной кареты.

С первой строки «Записок» подкупает простота и сердечность обращения авторов к читателям. «Мы старжили великого города на Неве. Нам много лет, мы скоро уйдем из жизни. В ряде очерков нам хочется рассказать нашим молодым современникам и тем, кто будет жить после нас, то, что мы помним о быте и нравах “последнего” Петербурга» [3, с. 3] – такими словами начинаются «Записки», и этот доверительно-ностальгический стиль изложения сохраняется до их последней страницы. При этом авторы ни разу не позволяют себе опуститься до грубой критики, например, в адрес «власть предержащих» в Петербурге и во всей стране. Хотя (не будем этого забывать) «Записки» писались в 1960-х – первой половине 1970-х годов, когда уничижительная брань в адрес «проклятого царизма» считалась чуть ли не обязательной в любых работах, посвященных «дооктябрьской» России.

Впрочем, некоторые идеологические реверансы в «Записках» присутствуют, причем (что мы совсем не исключаем) по воле самих же авторов. Так, в предисловии к «Запискам» они пишут: «Описываемые два десятилетия были действительно последними для Санкт-Петербурга, но важнее даже то, что в ту пору уже чувствовалась его обреченность, близость конца изжившего себя строя по совершенной очевидности разящего неравенства, крайности богатства и бедности, несправедливости всего порядка вещей» [Там же].

Правда, не будем исключать того, что, доживи авторы до нашего времени, они бы уже по-иному воспринимали такие понятия, как «разящее неравенство» и «крайности богатства и бедности» в старой и новой России, но это никак не умаляет значения «Записок» как содержательного исторического источника, увлекательного повествования о быте и нравах жителей того уже бесконечно далекого от нас Петербурга.

Надо отдать должное авторам «Записок»: они с требуемой тщательностью продумали их структуру, которая позволила им со всей необходимой подробностью рассказать о повседневности Петербурга на рубеже XIX-XX веков. Без всякого риска, как нам представляется, можно рекомендовать аналогичную структуру для любой работы подобного рода.

«Записки» включают в себя 16 небольших глав, каждая из которых несет четко продуманную смысловую нагрузку. При этом просматривается и «крупный план», то есть основные направления бытописания столицы империи. Другими словами, при внимательном изучении «Записок» весь текст делится на несколько основных разделов (в скобках указано количество глав):

- городская география и транспорт (3);
- повседневная жизнь (в том числе культурно-религиозная) разных категорий населения (5);
- городская торговля (3);
- образование (1);
- силовые структуры (2);
- окрестности столицы (в том числе Кронштадт) (2).

Как видно из вышеприведенного, основное внимание авторы «Записок» уделили описанию именно городской повседневности. И, действительно, повседневная, «обывательская» жизнь большого столичного города освещена в «Записках» в полной мере.

Они начинаются с описания главной особенности Петербурга – его «островности», поэтому первая их глава так и называется – «Реки, каналы и жизнь на них». Можно только удивляться, как на 16 страницах текста авторы смогли разместить такое огромное количество сведений (впрочем, то же самое можно сказать и о других главах «Записок»). За первой главой с удивительной логической последовательностью следуют вторая – «На улицах и площадях столицы» – и третья – «Городской транспорт: извозчики, конка, трамвай». При этом уже в этих трех начальных главах, посвященных географии и транспортной инфраструктуре Петербурга, авторы, по сути, излагают и его повседневную жизнь.

В последующих четырех главах перед читателем «Записок» открывается красочная панорама городского быта, о чем говорят названия глав № 4-7: «Быт старого петербургского дома», «Жители доходного дома», «Обитатели ночлежек и сиротских домов», «Храмы и религиозная жизнь горожан». К этим главам логически примыкает еще одна глава (№ 11), которую авторы разместили почему-то отдельно – «Сад “Буфф” и народные развлечения». Названия всех перечисленных глав говорят сами за себя.

Важнейшей составной части городской инфраструктуры – торговле – авторы «Записок» отвели три главы (№ 8-10), присвоив им следующие названия: «Рынки и торговые ряды», «Магазины и лавки» и «Одежда и мода». Здесь авторы не пожалели красок для того, чтобы описать «чрево Петербурга». Прочитав эти главы, любой читатель поймет, почему «Записки» увидели свет только в 1987 году и то только отдельными главами в журнале «Нева»: уж очень привлекательно выглядело продовольственное обеспечение столицы,

которому советские власти и жители будущего Ленинграда (слишком хорошо познавшие, что такое настоящий голод) могли только позавидовать.

Следующие три главы (№ 12-14) посвящены описанию силовых структур российской столицы (включая пожарную службу) и всех уровней системы образования – от школьного до высшего включительно. Говоря о «силовиках», авторы отмечают, что в детстве и юности они побаивались и вместе с тем ненавидели полицейских, а вот пожарные были предметом их симпатий. В этой же главе авторы не оставляют надежд оптимистам, надеющимся дождаться искоренения коррупции в силовых структурах: они утверждают, что полицейские чины почти поголовно были взяточники, что за соответствующую мзду можно было избежать наказания за совершенное не только незначительное правонарушение, но даже за преступление.

Как нам представляется, Д. А. Засосов и В. И. Пызин все-таки не совсем объективны, когда пишут о том, что «полиция не пользовалась в народе уважением, ее не почитали и попросту презирали. Простой люд видел в них грубых насильников» [Там же, с. 131]. Хотя, конечно, и большинство других авторов пишут мало хорошего о царской полиции, как, например, тот же С. Р. Минцлов: «Неопытные люди диву даются: чины полиции содержание получают не ахти какое, а живут отлично, одеты всегда с иголочки. Пристава – это уже полубоги; вид у них, по меньшей мере, фельдмаршальский, а апломба, красоты в жестах! Гоголевские именины в день своего ангела и на Онуфрия еще во всей силе... Портные, переплетчики, сапожники – все цехи работают даром на полицию; это уже всероссийский закон – его же не перейдешь!» [7, с. 28-30, 51].

Говоря о «военном» Петербурге, Д. А. Засосов и В. И. Пызин нередко просто не могут сдержать свое восхищение: «Весной, когда гвардия уходила в лагерь в Красное Село, и осенью, когда возвращалась в Петербург, можно было видеть прохождение войск целыми полками, бригадами. Войска шли с оркестром, с барабанщиками, со знаменем. Красиво проезжала и кавалерия – впереди оркестр на конях, также со знаменем-штанدارтом. Зрелище было особенно красивое, если войска шли в парадной форме. Мальчишки бежали впереди, шагали рядом, движение на улицах приостанавливалось, прохожие стояли на тротуарах и любовались» [3, с. 169].

Наконец, в главе № 13, посвященной образованию («Школа, гимназия, университет»), авторы «Записок» смогли сполна выразить свои личные впечатления, поскольку сами прошли все эти «университеты». Поэтому современным школьникам небезынтересно было бы узнать многие интересные факты. Например, то, что гимназисты были очень загружены учебой: кроме занятий в гимназии (в течение 4-5 часов) им задавалось много домашних заданий, на подготовку которых требовалось еще не менее трех часов. При этом выходных у гимназистов не было: и на воскресенье, и даже на праздники им задавались уроки. От ряда ежегодных экзаменов освобождались только самые младшие: все остальные, то есть гимназисты средних и старших классов, сдавали так называемые переходные экзамены, для чего каждую весну весной им надо было полностью повторить соответствующие предметы. Особый упор делался на изучение языков: уже в первом классе начинали изучать немецкий язык, со второго – французский, а с третьего – латинский.

Завершаются «Записки» двумя главами (№ 15 и 16), посвященными пригородам столицы: «Кронштадт» и «Окрестности Петербурга и дачная жизнь». Обе они не менее интересны, чем предыдущие, и так же насыщены массой бытовых и историко-фактологических подробностей, интересных и профессиональному историку, и обычному любителю чтения.

Мемуарный жанр интересен для историков (и не только для них) прежде всего тем, что дает возможность взглянуть на давно прошедшие события глазами их очевидцев. Поэтому, говоря об особенностях «Записок», мы бы отметили именно эту их особенность: их авторы ведут свое повествование, что называется, «от первого лица», то есть рассказывают о тех событиях в жизни Петербурга, непосредственными свидетелями которых они зачастую были. Как справедливо отметили составители примечаний к «Запискам», «Д. А. Засосов и В. И. Пызин пошли собственным путем: они максимально точно воспроизводят виденные ими картины городского быта, вписывая в эту канву ритмы собственной жизни настолько естественно, что они почти неразличимы. Благодаря этому глубоко личностное повествование и житье-бытье двух молодых петербуржцев стало очерком истории города в трагический и величественный момент его судьбы» [Там же, с. 213].

Действительно, невозможно не верить авторам, когда они описывают, например, как менялось настроение петербургского (а в его лице – и российского) общества накануне и по ходу русско-японской войны 1904-1905 годов. Как, поддавшись общему легкомысленному настроению (вспомним печально знаменитое «Шапками закидаем!»), население Петербурга не сомневалось в скорой победе над Японией. А затем – ужасный шок от гибели «Варяга» с «Корейцем» и броненосца «Петропавловск», трагическая гибель эскадры Рожественского, разгром под Мукденом, сдача Порт-Артура и, наконец, весьма обременительный Портсмутский мир.

Ценность «Записок» как исторического источника по бытописанию Петербурга состоит, на наш взгляд, в том, что по ходу изложения авторы сообщают читателям огромный объем крайне интересной информации как о жизни «обычного» человека (и не только его) в столице огромного государства, так и о повседневной жизни всего мегаполиса. По прочтении записок трудно даже выделить что-то особенно важное и наиболее интересное в прочитанном. Тем более что многое из того, что считалось обыденным в тогдашнем Петербурге, в наши дни стало уже архаизмом (кое-где, как нам представляется, не всегда оправданным).

Так, например, на одной из первых страниц «Записок» можно прочитать следующие строки: «Какими только картинами не оживлялись реки, их устья и взморье зимой! Из раннего детства всплывает в памяти катанье на Неве на высоких санях на северных оленях. Их погоняли самоеды возницы в оленьих шубах, кверху мехом. На льду реки стояли их чумы. Катки тоже сооружались только на реках, а в зимы, когда лед был надежный, на Мойке, у Исаакиевской площади, были катки с ледяными горами» [Там же, с. 7].

А немного далее можно прочитать нечто интересное об актуальной и на сегодняшний день проблеме жилищно-коммунального хозяйства, суть которой состояла в том, что уборка улиц, площадей и садов была в то время весьма трудоемким занятием. Не последней причиной тому было наличие в городе большого количества гужевого транспорта, а попросту – конных повозок самого различного вида. Естественно, что на проезжей части (и не только на ней) постоянно образовывались кучи конского навоза. Но, тем не менее, несмотря на отсутствие механизации, чистота поддерживалась, особенно в центре Петербурга. За этим следили и санитарная инспекция, и даже полиция: любой городской немедленно мог указать дворнику на его упущение в этой части. Поэтому, как отмечают авторы, летом у ворот каждого столичного дома стоял дворник с метлой и железным совком. Кроме того, в сухую погоду улицы поливались из шлангов, а также леек и ведер.

Кстати, крайне интересно авторы «Записок» пишут о повседневной работе упомянутых дворников, которым приходилось весь световой день следить за чистотой улиц, дворов и лестниц. Кроме того, они же разносили по квартирам дрова для топки печей. Особенно тяжел был дворницкий труд зимой при снегопадах: ведь надо было все очищать от снега и посыпать песком, а кроме того, на лошади отвезти снег в снеготаялку. Правда, авторы отмечают, что, помимо положенного им жалованья, дворники получали и существенные «добавки» за различные услуги, которые они оказывали жильцам, как: выколачивание ковров, различные хозяйственные и погрузочно-разгрузочные работы и т.д. Кроме того, доход им приносили поздравления жильцов с Новым годом, с Пасхой и другими праздниками, а особенно – именинами и днями рождения. Для этого каждый дворник наперечет знал всех своих жильцов и навещал их точно в соответствующую дату. За подобные поздравления дворники не только получали «на чай», но еще и угощались водкой и закуской.

Вообще о тяжелом труде многих жителей Петербурга авторы «Записок» говорят довольно часто. У большинства рабочая неделя заканчивалась в субботу, и тогда вечером этого дня рабочий люд шел в бани, которые, что интересно, делились на 5 классов. При этом стоимость помывки зависела от класса бани – соответственно 5, 10, 20, 40 копеек, а семейные номера – 1 рубль (нелишне будет напомнить, что среднемесячная зарплата петербургского рабочего составляла в начале XX века около 37 руб., хотя квалифицированные рабочие получали до 100 и более руб. – В. М., В. Ш.). Естественно, что в «пятикопеечные» бани ходили люди с наименьшим достатком. Здесь часто можно было увидеть женщин с малолетними детьми и большими узлами белья, приносимыми на стирку.

В подобном стиле написан весь текст «Записок», которые завершаются моментом начала Первой мировой войны. Вот как пишут об этом Д. А. Засосов и В. И. Пызин: «Война и мобилизация перевернули всю жизнь столицы: в два-три дня ушла вся гвардия. Толпы родных и знакомых провожали полки на вокзалы и станции. Была масса добровольцев. Уходившим солдатам незнакомые им люди свали в руки папиросы, продукты, носильные вещи. Многие провожавшие женщины плакали. <...> Чувствовался подъем – народ готов был защищать Родину. Отъезжали полки, уходили на войну запасные, население Петербурга оставалось в тревоге за Родину и за близких» [Там же, с. 211].

В заключение в качестве **выводов** следует сказать о нескольких важных моментах, выгодно выделяющих «Записки» Д. А. Засосова и В. И. Пызина в длинном перечне прочих произведений мемуарного жанра, посвященных различным периодам истории России и Советского Союза.

Во-первых, эти воспоминания как источник при изучении городской российской повседневности содержат в себе весьма значительный историографический потенциал.

Во-вторых, они написаны людьми, безо всякого преувеличения, *высокообразованными*, интеллигентами, что называется, «петербургской» школы. Той самой школы, которая навсегда ушла в прошлое, оставив о себе благодарную память и восхищение в сердцах потомков.

В-третьих, отличительными признаками «Записок» являются грамотность и богатство русского языка, его безупречность с орфографической и синтаксической точек зрения.

Наконец, в-четвертых, с учетом предмета изложения и незаинтересованности авторов в предвзятом освещении событий, можно смело утверждать, что «Записки» являются вполне верифицированным источником, к которому будущим исследователям следует относиться с высокой степенью доверия.

Список источников

1. Бахтиаров А. А. Современный Петербург // Родник. 1903. Май.
2. Животов Н. Н. Петербургские профили: в 4-х т. СПб.: Типо-лит. А. Винке, 1894-1895.
3. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890-1910-х годов. Записки очевидцев. Л.: Лениздат, 1991. 269 с.
4. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю: в 2-х т. М.: Правда, 1989. Т. 1. 588 с.
5. Лимонов Л. Э. Проблемы интерпретации карты социально-бытовых и функциональных зон Петербурга конца XIX – начала XX в. // Анциферовские чтения: материалы и тезисы конференции. Л., 1989. С. 176-179.
6. Мамяченков В. Н., Шведов В. В. Воспоминания Ю. Е. Завойко как источник по истории Дальневосточного театра Крымской войны 1853-1856 годов // Научный диалог. 2019. № 9. С. 375-390.
7. Минцлов С. Р. Петербург в 1903-1910 годах. Рига: Книга для всех, 1931. 304 с.
8. Никитин Н. В. Петербург ночью: бытовые очерки. СПб.: Тип. СПб. т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1903. 207 с.
9. Петербург и его жизнь. СПб.: Типография Бр. В. и И. Линник, 1914. 336 с.
10. Раевский Ф. Петербург с окрестностями: с подроб. пл. и описанием всех достопримечательностей в Петербурге и окрестностях. СПб.: М. В. Попов, ценз., 1902. 330 с.
11. Свешников Н. И. Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели: ориг. очерк с природы, напис. Н. Свешниковым. СПб.: Е. А. Иванов, 1900. 84 с.
12. Столица России (Нечто вроде моногр.) / под ред. А. и Б. СПб.: М. Г. Корнфельд, 1913 (обл. 1912). 64 с.
13. Трубецкой В. С. Записки кирасира: мемуары / вступ. ст., прим. в тексте и коммент. к персоналиям В. Польшковской; коммент. к военной теме и воинской атрибутике Г. В. Вилинбахова. М.: Россия, 1991. 247 с.

“Memoirs” of D. A. Zasosov and V. I. Pyzin as Source to Study Saint Petersburg Everyday Life in the 1890-1910s

Mamyachenkov Vladimir Nikolajevich, Dr
Shvedoff Vladislav Vitaljevich, PhD
Ural State University of Economics, Ekaterinburg
mamyachenkov@mail.ru; svedoff@mail.ru

The article examines memoirs of two Saint Petersburg intellectuals of the Soviet period – D. A. Zasosov and V. I. Pyzin – on Saint Petersburg everyday life in the 1890-1910s. The research objectives are as follows: to analyse the memoirs and to identify their importance for the domestic historiography. Scientific originality of the paper lies in the fact that the researchers reveal importance of the “Memoirs” as a valuable source to study everyday life of the metropolis. The findings indicate that “Memoirs” are a verified, highly reliable source.

Key words and phrases: D. A. Zasosov and V. I. Pyzin; Petersburg of the 1890-1910s; everyday life; living conditions; trade; urban infrastructure.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.7>

Дата поступления рукописи: 13.07.2020

Цель исследования – определить особенности и формы взаимодействия сельскохозяйственных объединений меннонитов России и Украины в годы нэпа. В статье проясняются взаимоотношения Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества и меннонитских сельскохозяйственных кооперативов Украины, доказано их взаимовыгодное экономическое сотрудничество. **Научная новизна** исследования заключается в углублении понимания организации деятельности меннонитской сельскохозяйственной кооперации в СССР в 1920-х гг., во введении нового эмпирического материала. **В результате** доказано, что межрегиональное сотрудничество меннонитской кооперации продолжалось практически весь период нэпа, что позволяло ей оставаться уникальной социально-экономической структурой в условиях советского государства.

Ключевые слова и фразы: нэп; меннониты; сельскохозяйственная кооперация; Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество; Союз потомков голландских выходцев на Украине.

Редькина Ольга Юрьевна, д. ист. н., проф.
Волгоградский государственный университет
redkina@volsu.ru, redou@mail.ru

Назарова Татьяна Павловна, к. ист. н.
Волгоградский государственный аграрный университет
hist_tatyana@mail.ru

Морозова Наталия Владимировна, к. ист. н.
Филиал «Взлет» Московского авиационного института
(национальный исследовательский университет) в г. Ахтубинске
nataly-tarunina@mail.ru

Взаимодействие меннонитской сельскохозяйственной кооперации в России и на Украине в годы нэпа

Меннониты – одна из старейших пацифистских протестантских групп, переселившихся в Российскую империю в основном из Пруссии по приглашению властей в конце XVIII – начале XIX в. с целью развития сельского хозяйства в пустующих землях Новороссии и Поволжья. К моменту переселения в Россию европейские меннониты представляли собой замкнутые, обособленные от окружающего населения сообщества со своим религиозным и общинным миропорядком, особым языком (диалектом), традициями, высокой степенью самоорганизации, сплоченности. Богатый хозяйственный опыт меннонитов высоко оценили российские власти, оказывавшие им разностороннюю поддержку. В начале XX в. около 100 тысяч меннонитов проживали в основном в сельской местности в Южной Украине, Крыму, Поволжье, на Северном Кавказе, в Южной Сибири, Средней Азии. Благополучное развитие этноконфессии было нарушено в годы Первой мировой войны, когда на меннонитов было распространено действие антигерманских законов 1915 г., и Гражданской войны в России. Одним из путей восстановления меннонитских хозяйств в годы нэпа стала сельскохозяйственная кооперация.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления опыта самоорганизации этноконфессиональных групп в СССР в условиях нэпа, что позволяет более полно представить экономическую, социальную, национальную и религиозную политику советского государства этого периода. История меннонитов в России демонстрирует большую значимость этноконфессионального фактора (взаимная поддержка единоверцев в различных регионах одной страны и мира в целом) в устойчивом развитии этноконфессии